

Станислав Сметана

Мечта

Станислав Сметана

Мечта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11280425

ISBN 978-5-4474-1545-7

Аннотация

Сюжет книги не столь важен. Она – про свободу, про океан возможностей, про задавание себе вопросов – то ли я делаю, что на самом деле хочу. Главные герои, и не всегда это живые люди, рассуждают об этом везде, кроме привычной обстановки – и в подземном царстве, и на лодках, плывущих мимо облаков, и на старой свалке, и в городе со странными призмами на крышах. Что сделал один – может любой. Но от благого намерения для себя до катастрофы для мира – один шаг. Где эта граница?

Содержание

Оффтоп 1. Барселона – Прага, 9 а. т	5
Небесный лёд	7
Пролог	10
Оффтоп 2. О концепциях	17
Часть 1. Сказка от Никиты	18
Вечер моргающих фонарей	18
Сон и Кафка	25
Начало	33
Мобилизация	37
Выбор обложки	43
Штаб сопротивления и куриное шоу	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мечта

Станислав Сметана

© Станислав Сметана, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Оффтоп 1. Барселона – Прага, 9 а. т

Иногда кажется, словно этот мир создан для меня. Что меня ждут чудеса, являющиеся результатом моих добрых дел и моей позитивной сущности.

А иногда большая чёрная дыра засасывает меня внутрь. Там нет различий в датах и возрастах. Там есть различие в цвете.

Подо мной летит другой самолёт. Есть ли возможность игнорировать его? Наши круглые пушки смотрят вниз, но... самолёт улыбается. Мы снова не готовы к завоеванию мира. Мир снова слишком добр к нам.

Где я теперь? Вероятно, это новый край – край прежде неизведанных ощущений. Сколько нас здесь?

Я лечу над морем, но его не видно. Всё в облачности. В самолёте всего три человека, и я не расстраиваюсь, что пью третью чашку кофе за утро. Если это можно назвать кофе.

Я улетаю или прилетаю? Я – одинокий странник, но влюблённости не проходят меня стороной. «Есть в этом смысл!» – говоришь Ты. И я его вижу иногда, но сложно представить, что это случится.

Облака цепляются за Альпы, как цеплялись они за тысячи гор на моём пути прежде. За тысячу звёзд. Я хочу спать, но

не могу. У меня есть мечта, и есть тайна. Я ни в чём не уверен, но сегодня я с чем-то навсегда попрощался. Я искренен с Тобой, но вру себе. Это такая игра. «Всё хорошо, ничего не случилось». И не случится...

Небесный лёд

*Лёд. Талый лёд отныне в моём сердце.
Где эта дорога, незаметная с открытыми
глазами?
Как мне выбраться из собственных фантазий?
Что из всего происходящего действительно
важно?*

Мы долго двигались по лабиринту. Серебряное сияние было, в основном, где-то справа. Слева – лишь скальная порода. Мы где-то под Яузой, это очевидно. Чёрная вода капает с неба, с каменного неба над нами.

Мы в полузатопленном Лефортовском тоннеле. В начале малого тоннеля, у поворота на Малую Почтовую улицу. Оттуда слышен металлический скрежет, и вспыхивают молнии. Лай собак. Сатурн светится красным. Собаки бегут к нам. Собаки – наши друзья.

Нас пятеро, хотя не всегда это очевидно. Мы готовы рассказать историю. У нас много версий одной и той же истории. Это история высокого искусства. Она неподвластна времени.

Теперь нас трое. Мы потеряли сомневающихся. Мы добрались до Чагинской улицы. Здесь всё ещё идут дожди. Здесь всё начиналось. Отсюда идёт тропа. Мимо трёх круглых труб. Здесь вылетело облако, прямо из под Земли. Радиация ушла, но мы не снимаем скафандры. Теперь мы не

дружим с собаками.

Перенесёмся чуть назад. Подколокольный переулок. Здесь было изобретено лекарство. Тут совсем другие люди. Это студия, полная моделей. Здесь иногда красиво, если ненадолго...

Лёд. С неба падает вода, превращённая в лёд. Здесь больше нет сомневающих. Как нам выбраться из собственных фантазий? Как нам избежать повторений? Как нам быть честными и придумать другую сказку?

Есть ли здесь море? Пахнет морем, но ведь раньше здесь был мой дом. Мне пришлось податься на Восток. На Востоке самые интересные, самые не отмеченные на картах лесные тропы.

Мы снимаем фильм. Мы устанавливаем камеры. Наши камеры не совсем правильно снимают, они выключаются и вновь включаются по собственному усмотрению. Человек, ответственный за камеры, больше не приезжает сюда. Он остался на Западе и отчаянно сражается в анклав «Водный Стадион». Раньше мы отправляли туда ракеты, а теперь их погрызли мыши.

Трофеи. Куда уж тут без трофеев. Однако этим нам не суждено похвастаться. Мы больше говорим, чем действуем. Это тоже такой способ пережить зиму. Мы выжидаем, так как есть более смелые люди. Мы стараемся держаться тон-

нелей с серебряным сиянием. Таких немного.

Всё начнётся не там, где это кажется. Начнется всё со сна. А то, что снится – сном не является. Мы всё напутали. Хотя это снова несущественно. Важно то, что после всего этого мы увидим свет. Мы увидим свет на руинах города. Новое солнце осветит нас, уносящихся отсюда на единственном выжившем вертолёте.

Пролог

Кирилл долго не мог понять, чего же он ожидает от предстоящего вечера. На часах было в сторону полуночи, но «вечер как явление» ещё и не думал начинаться. Вот уже практически полгода Кирилл является собственником неких разношёрстных активов, переданных ему как непрофильный бизнес отцом-металлургом средней руки, которому неприятно было видеть Кирилла слишком праздно живущим. Среди тех активов значатся хлебокомбинат, типография и пара магазинов модной одежды с достаточно невнятными брендами. Не выбравшийся из конфигурации 90-х годов такой набор бизнесов – управлять неинтересно, продать – никому не надо. Передавая активы, отец со своей старинной колокольни предупредил Кирилла о том, что недостаточно будет всё пустить на самотёк, малым/средним бизнесом в России нужно заниматься именно собственнику, иначе дела пойдут ни шатко, ни валко, а то и вовсе всё разворуют. Хорошее системное управленческое образование, которое у Кирилла имелось в активе, общая вовлечённость в дела отца, особенно касающихся типографии и магазинов, вселяла во второго надежду, что такой шаг будет правильным и бизнес, который с таким упорством по крупницам собирался так давно, останется «в семье». Кирилл два дня основательно размышлял, а затем принялся за дела с необыкновенным усердием. Пер-

вый месяц он присматривался к бизнес-процессам, а потом вдруг решил взяться за кардинальный пересмотр деятельности этих активов. Это всё вдруг стало ему настолько близким и интересным, что он именно работал, работал и работал, с самого утра понедельника до позднего вечера пятницы. Очевидно, что друзья и всяческие прошлые прихлебатели времени удивлялись такой перемене, не одобряли её и очень скоро перестали вообще иметь с ним какие-либо общие дела. Остались лишь несколько человек, с которыми он проводил выходные. А выходные всегда проходили по стандартному сценарию: ночь на субботу – клубы, как неизменная традиция ранней молодости, сама суббота на отсыпание, а воскресенье было занято созданием актуального видеоарта, уже принесшего плоды на последнем смотре инсталляций в Голландии в виде безоговорочного первого места. Это, пожалуй, единственное серьёзное увлечение, оставшееся от прошлого образа жизни. Хотя каких-то уж других выдающихся увлечений у него тогда и так не было.

Теперь распорядок такого единожды заведённого образа жизни не менялся никогда. Ночь с пятницы на субботу – это было единственное время, когда его могли окружать друзья из прошлого, и всё это веселье происходило так, как будто ничего не произошло. Он стал очень выборочен к людям в принципе.

Человеком номер раз в его жизни, она же единственная, имеющая «доступ к телу» и в другие дни является некая за-

мечательная особа по имени Антонина. Тоня – весьма эффектная девушка лет двадцати четырех, получившая три года назад титул «Мисс Крым», и именно поэтому уже три года в Крыму не живущая. К настоящему времени она – лицо сразу нескольких небольших Домов Моды, с завидной регулярностью изображение её появляется в глянце и на билбордах. Вопреки бытующему мнению людей, с модельным бизнесом не связанных, а тем более мнению тех, кто с этой индустрией знаком не понаслышке, Тоня – не тупая и ограниченная, а, напротив, очень эрудированная и самодостаточная леди, которой не чуждо ничто человеческое. Она не отождествляет себя со своей профессией, умеет правильно расставить акценты для себя, так что не она оказывается заложницей рода своих занятий, а, напротив, занятия эти очень гармонично дополняют её сущность. График её жизни (и это не воздействие Кирилла, а собственная установка) также всегда достаточно регламентирован. Три дня в неделю она полностью посвящает своей внешности, а также гардеробу, немудрено, что идеальнее выглядеть мало у кого на Земле получается. Пару раз в месяц она отправляется на ранчо своего французского друга в Бордо, на плантациях которого выращивается виноград для производства вина высшего сорта класса АОС (Appellation d'Origine Contrôlée). Производство находится там же. Тоня занимается коммерческой стороной вопроса, надо признаться, весьма успешно, так что друг передал ей двадцать процентов фамильной винодельни

в собственность. Кирилл и Тоня существуют как бы каждый в своём мире, но в тот момент, когда эти миры пересекаются, трудно представить себе двух индивидов более счастливыми.

Ещё двое людей, которых он считает вхожим в «круг избранных», являются московские галеристы, это Рома и Алиса, семейная пара. Эти, напротив, представляют собой единый организм и живут как один человек. Они никогда не используют местоимение «я», только «мы», причём по любому вопросу, вплоть до «у нас сегодня месячные». Рома представляет из себя с виду весьма brutального и мускулистого человека, такие обычно снимаются в сериалах про ментов, что очень не коррелирует с управлением художественной галереей, и кажется, что эстетического вкуса у такого человека по определению быть не может, что, разумеется, не так. Как раз Рома больше занимается концептом, Алиса же задействована в переговорных процессах и общении с прессой. И не столько за своё красноречие – в этом-то она как раз весьма посредственна – сколько за визуальную несовместимость Ромы с этой ролью. Галерея их находится на Солянке, 4D Graphics называется, такая галерея-середнячок, но они за звёздами и не гонятся. Тем не менее, выглядят они оба достаточно респектабельно, им где-то около тридцати. Они из тех людей, которым и десять лет назад, наверное, было около тридцати.

Ещё один человек находится в близком круге Кирилла

– Никита, которому двадцать пять или чуть больше. Этот абсолютно не поддаётся трафаретизации, и его достаточно трудно вписать в какую-то социально-типологическую нишу. В нём что-то есть от прошлого гедонистического образа Кирилла, но если Кирилл к жизни относился по факту, не задумываясь особенно ни над чем, то этот, напротив, всегда во всём ищет тайный мистический подтекст, и старается избегать рациональности, где только можно. Он обычно сам не очень представляет, чего хочет, потому никто особенно не принимает его всерьёз. Занимается он всем понемногу и ничем в сущности, и на этой неделе Кирилл мельком видел его в странном окружении за распитием алкогольных напитков из ближайшей палатки в районе Перово, где Кирилл был по делам типографии. Сегодня он ожидает его снова увидеть, видимо, в другом облики и с другими напитками, но уверенным быть тут, конечно же, нельзя.

Только Кирилл успел подумать, что на часах 23:30, а «вечер как явление» ещё не начался, как скрип тормозов внизу под окном поставил всё на свои места, сегодня вернулась Тоня из Франции и прямиком с аэропорта заехала к нему на Преображенку (или уже к себе на Преображенку?). Через некоторое время до его уха донеслось длительное ковыряние ключом (к себе на Преображенку!) в замке, затем всё происходило как в убыстренном кино. Кадр 1: Тоня разгружает уже одеревенелые французские булки из бумажного пакета с ручками. Кадр 2: В стакане молоко, дверца холодильни-

ка распахнута, и никто не пытается её закрыть. Кадр 3: Тоня пьёт молоко и роется в своей безразмерной сумке. Кадр 4: Кирилл сидит на диване в гостиной, Тоня химичит с видеопроектором. Кадр 5: Кирилл там же, Тоня с блюдом клубники на диване. Начинается фильм.

– Фатих Акин. «Auf der anderen Seite». Взяла на три часа у Кристины, случайно встретила её в аэропорту. Она тоже будет в BZZ сегодня, мы же поедим? Тем более сегодня рядом, где-то на Большой Черкизовской. Всё, молчим.

Фильм и правда был великолепен. Кирилл давно очень настороженно относился к кино. Он считал девяносто пять процентов кинематографа продуктом потребления, а не искусством. Однажды Никита на это заметил ему, что он слишком оптимистичен в оценках и, по его сведениям, девяносто восемь процентов было бы куда объективнее. «Но искусство – это тоже продукт» – добавил он тогда. – «Создавая искусство, потом смотришь на созданное собой же с презрением, особенно когда это кому-то ещё интересно, то есть искусство превратилось в продукт потребления. Когда продукта нет – есть искусство – то, что в голове, то, что ещё не реализовано. Точнее – реализовано, но не воплощено в доступной для передачи окружающим формах: здании, отделке, холсте, романе, видеоролике. Как только что-то воплощается – это никогда, во-первых, не то, что задумывалось, а во-вторых, это, как правило, уже не интересно автору. И он не только не хочет говорить „да, это моё“, напротив, мечтает скорее

откреститься от своего убогого творения». Кирилл тогда задумался насчёт своего отношения к созданным им роликам, которые были оценены европейской общественностью. Нет, он по праву гордится ими и всецело полагает, что продукт получился полностью идентичный искусству. Общественное одобрение – очень важный атрибут творческого прогресса. Без обратной связи невозможна творческая полноценность.

Клубника доедена. Дверца холодильника по-прежнему распахнута. Квартира теперь пуста.

Некоторое время плазменный экран остаётся чёрным. Затем диск крутится назад. Тот ли самый это диск? Те ли это люди? Изображение панельного дома. Да это ведь новый сериал: ВЕЧЕР МОРГАЮЩИХ ФОНАРЕЙ.

Оказывается, в комнате всё-таки кто-то есть. Это хороший человек. Но ему суждено скоро быть завёрнутым в мусорный мешок.

Оффтоп 2. О концепциях

– Не надо, просто не надо говорить мне о единой стилистике жанра, уважаемая Жанна! Если мы подчинимся правилам и на этот раз, потеряем в искренности. Второй раз поджаренный полуфабрикат уже несъедобен.

Я, как обычно, не знаю, чем всё это должно закончиться. Куда придут и что будут чувствовать все эти люди. Начав сюжетную линию, мне становится в ней скучно. Начинаем другую. Третью. А потом уже будем решать, как это всё объединить. Необъединимого в мире не бывает. Бывает недообъединённое. Всегда можно одно считать началом другого. Или предположить, что есть два процесса, параллельно протекающих, с общим началом.

Эфемерная вата – вот что есть объект нашей продажи. Настроение и состояние, манипулирование ими или следование им – вот они, новые Ворота Телепортации!

Часть 1. Сказка от Никиты

Вечер моргающих фонарей

Я прекрасно помню дорогу до дома в тот вечер. Точнее, конечно, не до дома, а до места, где теперь какое-то время планирую пожить. Верите или нет, но я сбежал из своей замечательной, но такой надоевшей мне квартиры на четвёртом этаже в глубине арбатских переулков, и снял на месяц жильё в Перово около двух железнодорожных станций – тут уж мне никто не помешает жить, что называется, «по обстоятельствам». Прошла неделя от моего новоселья, и я возвращался домой на когда-то подаренном друзьями на день рождения бензиновом драндулете, любуясь окружающими промзонами с дорог районного значения, заставленных грузовиками. Мой сосед сверху оказался добрейшей души человеком, и разрешил мне без предоплаты пользоваться его гаражом-ракушкой, где он хранил свой раздолбанный «Опель», для временной дислокации моего транспортного средства, выдав мне ключи.

На восьмой этаж я, как правило, поднимался пешком. Лифту я тут не очень доверял, к тому же, он непереносимо скрипел при каждом удобном ему случае так, что я из-за трёх дверей ночью слышал, если им кто-то пользовался. Вот и

в тот вечер я поднимаюсь пешком, уже вращая в руках связку ключей. Из порядка пятнадцати ключей, что имеются на той связке, действуют чуть меньше половины, остальные же не только функционально не используются, но местоположение и роль в моей жизни замков, которые они открывают, находится теперь за пределами моей памяти. Но мне нравится иметь много ключей на связке. На пятом этаже пьют пиво и нецензурно выражаются короткостриженные пятнадцатилетние подростки в количестве десяти человек, не меньше. Мода на короткостриженность у подростков прошла давно, так теперь стригутся только лысеющие люди, но анклав Перово не собирается сдавать позиций «консервативного духовного наследия». Прохожу мимо них, как бы случайно задевая стоящие на полу бутылки, которые звенят, но никакой реакции – ни удара по голове пустой бутылкой, ни слов «а ну, пидор, иди сюда» – не следует, из чего я делаю вывод, что за свирепым фасадом бьются добрые всепрощающие сердца, и следовало бы мне переезжать не сюда, а в Люберцы, где сердца, надо думать, ещё не испорчены теорией тотального гуманизма. На седьмом этаже наша Mrs Управподъезд (она же Управдом, так как подъезд один), женщина весьма габаритная и неуклюжая, пытается запихнуть огромные мусорные мешки в тонкое отверстие мусоропровода. Чувством такта она не обременена, поэтому, назвав меня «дружком», просит подержать ей крышку отверстия (самая грязная, наверное, деталь в доме, не считая внутренней стенки мусоро-

провода), пока сама утрамбовывает правой ногой свой мусор в дырку, который утрамбовываться – утрамбовывается, но дальше никак не лезет. Я ей рассказываю о новом японском роботе, поступившем в промышленное производство, который сортирует, а потом съедает и перерабатывает мусор, а она мне рассказывает о новых туфлях, которые купила за шестьсот рублей в магазине «Товары для труда и отдыха» на нашей же улице.

Поднимаюсь на свой этаж и открываю дверь в наш «предбанник», который общим замком не обременён. Здесь пахнет бурной жизнедеятельностью, и мне – не парфюмеру – трудно разобрать составляющие этого великолепия. На потолке висит плафон, но он почему-то не светит, зато светит «лампочка Ильича», висящая рядом на проводке. Точнее, она обычно светит, а сегодня моргает, то быстрее, то медленнее. Сегодня два фонаря на шоссе Энтузиастов тоже моргали, и виделось мне в этом какое-то предзнаменование. Вечер моргающих фонарей, не иначе. Дверь моя закрывалась на один замок, держащийся на соплях, хотя был и другой, но расположен он был слишком низко, приходилось нагибаться, чтобы его открыть/закрыть, поэтому с третьего дня я перестал им пользоваться. И вот я уже весь в тяжёлых раздумьях относительно репертуара фильмов, которые мне сегодня посмотреть и в какой очерёдности (в сумке лежит четыре свежеприобретенных фильма, и только один из них записан с нарушением авторских прав – такая почти кристальная

у меня гражданская позиция), так как все сразу я точно не осилю. Думаю: либо сперва принять ванну, а после забить кальян, либо забить кальян, а ванну принять в промежутке между кино. Либо обойтись душем и бокалом рябиновой настойки, которую мне подогнал всё тот же сосед сверху, снова не взяв предоплату. Презентовал мне трёхлитровую банку со словами: «Как выпьешь, так и решишь, сколько мне заплатить». Я говорю: «Я ведь только на месяц здесь, к тётке приехал» (хозяйка просила так говорить, чтобы не платить налог). Он: «Ну, тогда заходи за добавкой через недельку, коль оценишь». Неужели я так ужасно выгляжу, «через недельку три литра»... Или так хорошо? В общем, кино-баня-душ, сомнения в очерёдности – вот и первая моя творческая рефлексия за весь день. Погруженный в эти, в общем-то, ничёмные мысли, открываю замок, который на соплях, и... незря моргали фонари. Ещё не включая света, я вижу на полу крохотной прихожей лежащее в неестественной позе безжизненное тело. Ну, за что вот мне этот геморрой... Теперь я уже вынужден вставить в планы и это тело, в голове проносятся очередь: «сперва забить кальян, принять душ, потом заняться телом (в смысле, понять – спит, или совсем уже), позвонить куда следует (а куда следует?), и лишь потом, пока за ним едут, включить фильм». Потом разум возобладал, я включил свет, всмотрелся в незнакомое лицо. Молодой парень, лет двадцать пять или даже меньше. В тёмно-синих джинсах, чёрных носках и бежевой толстовке-кенгурятнике.

Не особенно симпатичный, очень среднестатистический человек. Потрогал его аккуратно за лицо, потом за кисти рук – вроде холодные, потом другой рукой потрогал себя за лицо и кисть руки – блин, такой же температуры. Потом потрогал себя под майкой – тепло, и ему засунул руку под майку (не скрою, с небольшим отвращением). Потом подставил руку к носу. Короче, он явно не спит. Помочь я человеку уже ничем не могу, так что можно заняться своими планами, а он пусть полежит, пока не хочется никуда звонить, а то сейчас сразу начнётся шум, а у меня серьёзный настрой насчёт фильмов и рябиновой настойки...

В два часа ночи ко мне постучали. Я спросонья ползу к двери, открываю замок, который на соплях, но и нижний тоже закрыт. Открываю нижний и распахиваю дверь. На пороге двое полицейских, почему-то в форме немецких СС. Они короткострижены и с бутылками пива. Один из них пытается ворваться внутрь и надеть на меня наручники, но промахивается, и, спотыкаясь о труп, падает. В это время, как в замедленном кино, второй размахивается бутылкой и ударяет ей мне прямо по голове. Я вижу яркую молнию и чувствую сильнейшую боль. Я вздрагиваю, открываю глаза и вижу перед собой метрах в двух экран ноутбука, предлагающего мне три опции: «просмотр», «установки» и «выход». Я выбираю третью, встаю с кресла и выглядываю в коридор. Лежит. А время уже четыре, светает чуть-чуть. Я ещё раз тро-

гаю его лицо и кисти. Заметно холоднее. Тут до меня доходит порыться в его карманах. Кенгурятница – пусто. Джинсы: передний правый – пусто, задний правый – карточка какого-то скейт-центра, передний левый – деньги, около трёх тысяч рублей, задний левый – обрывок бумаги с номером телефона и именем Тоня. Ни телефона, ни документов. Содержимое карманов я уношу в большую (в понимании этой квартиры) комнату и кладу в комод, запираемый ключом (но ключ не высовываю), кроме визитки скейт-центра, которую машинально засовываю в визитницу. Далее на автопилоте, не обдумывая действий, потому как я уверен в них, иду в другую комнату, вытряхиваю из огромного чёрного мешка свои шмотки и иду с этим мешком в прихожую. Секундное сомнение – ноги или голову начать засовывать, потом я решаю, что ноги, поскольку будет уж очень неэстетично, если он будет биться головой о ступени при спуске. Он еле помещается, но мне удаётся даже красиво повязать мешок синим бантом сверху, оставшимся у хозяйки от какой-то подарочной упаковки. Я не сомневаюсь в своих силах, но он оказывается значительно тяжелее, чем я предполагал. Я обхватываю мешок в месте предполагаемого торса и уже тащу его по предбаннику, а ноги господина волочатся по кафелю. На лестничной площадке я принимаю героическое решение воспользоваться лифтом. Он жутко скрипит при открытии, наверное, перебудив весь дом. Уже по пути вниз я пытаюсь предположить как мне себя вести, если вдруг внизу кто-ни-

будь окажется из жильцов. На моё счастье, там никого нет. Никого нет и на улице – дворники ещё не проснулись. Мусорные контейнеры находятся всего метрах в тридцати и уже полные, хотя и не под завязку. Насколько я понимаю, через час-другой за ними приедут. Я стараюсь в спешном порядке вытащить несколько особенно обширных коробок из наиболее свободного, запихиваю туда с невероятным трудом тело, которое не хочет сгибаться и сверху снова прикрываю коробками. Ступни так и не влезли и торчат наружу, но они всё же в мешке, поэтому здравомыслящий человек не поймёт, что там. Верхние коробки тоже выпирают, и я надеюсь, что мусорщики не будут трогать то, чего не следует. Уставший, но без каких-либо душевных переживаний, я отправляюсь домой по лестнице. Сплю я в то утро крепко.

Сон и Кафка

На следующий день, точнее, ближе к вечеру у меня была запланировано посещение одного интересного мероприятия. За мной заехал Максим, и мы направились в один из новых павильонов в Коломенском на выставку его знакомого – это вроде как картины, только живые. Сзади к ним приделаны какие-то механизмы, так что лоскутки и объекты на картинах перемещаются и меняют свой цвет. В общем, достаточно перспективно, хотя и бесполезно для меня, поскольку инвестициями во всякий хлам из области высокого и не очень искусства я не занимался.

Да, выходя из подъезда и умышленно допихав в почти пустой ещё мусорный пакет всяческой прессы (то были журналы про интерьеры, кажется), я, махнув Максиму рукой, проследовал до помойки. Мусора там снова было «выше крыши», но вчерашнего пакета не наблюдалось, кроме того, баки стояли чуть под другим углом. В общем, увезли. Мне стало как-то легко и печально одновременно. Я сел в машину и был весьма неразговорчив.

Шла вторая половина мая, возможно, самое начало июня, более точно хронометрировать даты у меня не получалось. Правда, я догадался, что сегодня суббота, потому что пробки образовывались там, где их вроде бы не должно быть. После выставки мы оказались в неплохом (но и особо ни-

чем не выдающемся) заведении под названием «EkzoСфера» в Яково-Апостольском переулке, откуда я быстро поспешил уехать. У меня теперь было три принципа, по которым я жил: «Здесь и сейчас», «Целесообразность», «Прошлое идеально». Первые два я выразил бы, как жизнь по расчёту и настроению. Но самое основное там – именно союз «И». Настроение в первую очередь и является тем расчётом. Третье – никогда не корить себя за что-то, сделанное в прошлом, никаких «если бы». Как только меня «уносило» в сторону, я сразу щёлкал пальцем, вспоминал нужную опцию и исправлял ход мышления. Сегодня у меня большого желания ехать в Перово не было, и я решил остаться у себя в Большом Левшинском, где не был уже неделю. Остаток вечера я провёл как-то достаточно невнятно, погружённым в свои мысли, и рано уснул. Мне много чего снилось, но особенно запомнился мне один сон.

Лес. Ночь. Скорее всего, поздняя осень, листьев на деревьях нет, и достаточно влажно, хотя и не холодно. Я ощущаю себя присутствующим во сне, но скорее в роли кинооператора. Я вижу всё своими глазами, но есть ещё камера, где-то вверху справа. Именно на ней видно меня, и за мной, где-то за карьером, огни города. Просто общим планом, и дальше верхняя камера бездействует. Работает моя.

От общего плана картинка детализируется, погружаясь в лес глубже и глубже. Мы видим голые ветви деревьев и влажный пар, висящий между деревьями неравномерно. Сла-

бозаметная тропинка уходит глубже. Мимо пролетает летучая мышь, а с ветки на нас смотрит большая сова.

Потом снова картина с камеры № 2. Никого нет, только огни города за карьером.

По воскресеньям я читал лекции в Философской школе абстрактного мышления имени Франца Кафки. Мой курс назывался «Психосоматические отклонения сознания молодёжи досемейного периода». Помимо того, что формулировка курса выглядит весьма ненаучной и сомнительной, так и меня ещё попросили «побольше из личного опыта, поменьше теоретических выкладок». Это, конечно, здорово, что никакой теории не надо, откуда я им возьму такую теорию, но вот за «побольше из личного опыта», откровенно говоря, хотелось заехать по зубам тому лже-профессору с козлиной бородкой и бегающим мышинным взглядом. Не знаю уж, чем я думал, но поскольку любые, на первый взгляд сомнительные, мероприятия могут быть как минимум интересны, а то и полезны (см. п. 1 и 2, если нет – см. п. 3), то я очень даже быстро согласился. Собственно, сама школа была как раз воскресной, и, чего и следовало ожидать, располагалась в здании детского сада на Костромской улице в Бибирево.

Публика среди слушателей была достаточно разношёрстной. Но в большей своей массе это были, разумеется, бездельники и одинокие люди, которые ничего для воскресения придумать лучшего не могли, чем прозябать в детском саду в

компании таких же бездельников и сомнительных лекторов. Собственно, конечно, роль лектора мне претила, да и не была востребована по формату, скорее я выступал то модератором, то фасилитатором, а более всего, неким бессистемным «подхватывателем идей из зала и их развитием» на основании личного опыта, пусть будет так. Конечно, свою аудиторию я люблю, но две дамы бальзаковского возраста меня безмерно раздражали своим «правдорубством». А потому как с поиском аргументов у меня обычно туго, я всё время старался столкнуть лбами их друг с другом, и только тогда вся группа очень активно подключалась, и занятие удавалось.

Сегодня тематика была задана такой: «Воспитание молодёжи микро-социумом и последующий конфликт её с макро-социумом». Постановка как проблематика, а не как её решение. Тут я имел ввиду и пуританское воспитание в семье, и так называемое самовоспитание, когда ценности общества не то, чтобы не разделяются, а просто напросто неизвестны, и даже лысобритых подростков в Перово, которым лишь комфортно с такими же, как они – лишь внутри этого вымирающего вида, а вовне они вынуждены либо быть агрессивными, либо закрываться. Один мужичок, бывший физик-ядерщик, сокращённый по закрытию НИИ, попытался пространно распространиться относительно на самом деле правильных позиций «малых групп», и бессмысленностью привязки их к обществу, так как, во-первых, ни в каком общественном одобрении они не нуждаются, во-вторых, спо-

собны играть и другие роли, в том числе любящих детей, надёжных друзей и прочее. Господин этот был остановлен на второй же минуте одной из тех дам, которая «не верит в любовь с первого взгляда», и считает, что всякая группа по интересам, в том числе и наша, если её цели и миссия не признаваемы (или даже непонимаемы, по причине закрытости группы) большинством в обществе, по-любому, ущербна. Что любой такой ячейке необходимо вести действия по самопопуляризации, только тогда она имеет право на существование. В общем, хоть мы и далеко в результате ушли от молодёжи (и действительно, зачем нам молодёжь, ведь основная аудитория предпенсионна), тем не менее, суть общения получилась продуктивной и мы даже (!) пришли к консенсусу по ключевым пунктам в итоге.

Я воспользовался метро, чтобы добраться до своего нового дома в Перово. С фуры, припаркованной прямо во дворе между домами, купил по минимуму овощей и фруктов. Поднимаюсь пешком к себе, и на седьмом этаже на лифтовой площадке встречаю Управподъездшу, которая возмущённо крутит отломанным каблуком туфли у меня перед носом: «И дня не прошло! Разыскала я через справочную телефон этих „Товаров для труда и отдыха“, а они мне говорят: „Во вторник будет администрация, во вторник и приходите“. Щас я им устрою „во вторник“! Я знаю свои права в тридцатидневный срок сдать товар, если не понравился, не говоря уже о том, что незамедлительно обменять, если некачествен-

ный. Очень не рекомендую вам этот магазин, дружок». Потом, прищурившись, заговорщически добавила: «А ведь вас разыскивали утром. Эти, из органов. Втроём были плюс наш участковый. Я как раз суп варила. Допытывались у меня, что да как, кто такой, откуда. Ну, я, понятное дело, „москвич, приличный“, и они пошли наверх. Часов в десять было, вот так».

Я поднялся на свой этаж и уже из предбанника увидел, что дверь моя опечатана (или описана, короче, на ней бумажка с печатью и подписью). Бумажки мне не указ, я открываю дверь, и внутри меня встречает полнейший погром – все вещи из шкафчиков выпотрошены, кругом грязные следы (ну откуда грязь то нашли в сухую погоду?). Большинство вещей я, разумеется, впервые видел, потому как они не мои, а хозяйские, но и моим досталось. Что ж, порядок наводить я не буду, мою и режу овощи-фрукты, завариваю ромашковый чай, беру настройку, мажу торс кремом для загара и отправляюсь на балкон загорать. Всё в соответствии с пунктом один. И нет мне дела до обстоятельств, которые я не приглашал в гости. Мы с ними разберёмся позже.

Как водится, я снова уснул прямо посреди дня. У меня выработалась прямо-таки какая-то пенсионерская привычка спать днём, и ничего не могу с этим поделать, вырубает, и всё тут. Мало того, что два часа выпадают из жизни, так просыпаюсь я с каким-то заторможено-мистическим настроением,

и ещё пару часов брожу, где бы то ни было, с параноидальным выражением на лице. Хотя друзья говорят, что в последнее время оно у меня всегда такое. Конечно, мне их интеллектуальные выкладки весьма смешны, равно как (наверное, в этом не очень прилично признаваться) и друзья-то мне все «до фонаря», чем меньше – тем лучше. Недавно тут познакомился с изданной неким новоявленным автором книгой о Четырёх окнах, и, помимо трёх своих принципов, кое-что почерпнул оттуда. В общем, не так всё важно, как это иногда кажется. Скорее важно всё то, что интересно. А интересного ничего надолго не бывает.

Сны снова были...

Лес. Поздняя осень. Большая сова смотрит на нас с ветки. Камера в виде моих глаз движется дальше. Тропинка уходит глубже. Влажный пар висит между деревьями неравномерно. Несколько минут меняются лишь повороты, новые ветви деревьев, некоторые с ещё висящими на них коричневыми листьями. Потом мы выходим на второстепенную асфальтированную дорогу. Прямо перед нами поле или луг, а направо вдалеке – огни панельных домов города. Метрах в ста виден подсвеченный дорожный знак – «ДЗЕРЖИНСКИЙ». Но мы не идём по направлению к городу. Мы ступаем на влажный луг и идём по нему на юг.

Было семь вечера, когда я обнаружил бумажку с телефоном Тони, найденную в кармане у моего позавчерашнего го-

стя. Господа, осуществившие переворот в моей квартире, её не обнаружили или не придали значения, ровно потому, что лежала она на самом видном месте в незапертом комод. Я решил позвонить ей через Skype, чтобы никак не определяться, хотя цели моего звонка для меня так и оставались не ясны.

Трубку подняли на пятом гудке:

– Это Тоня.

– Добрый вечер. Я – Никита, мы не знакомы. Могу я поинтересоваться, оставляли ли Вы в последнее время номер своего мобильного телефона кому-нибудь?

– Что это за вопрос? Я оставляю мобильный телефон достаточно часто, если считаю это необходимым.

– Суть в том, что человек, которому Вы два-три дня назад оставили телефон, погиб. Я не уверен, знает ли кто-то об этом кроме меня, но я посчитал необходимым позвонить Вам только потому, что это единственный контакт, которым я могу воспользоваться, чтобы как-то оповестить близких ему людей.

– У вас с собой эта бумажка?

– Да, какой-то огрызок. Могу переслать прям сейчас.

– Давайте встретимся. Завтра.

Начало

Несмотря на то, что я упорно хотел весь вечер «не замечать бардак», а также игнорировать мысли, связанные с предшествующими этому бардаку обстоятельствами, у меня это не получилось. Я сдался и принялся наводить хоть какое-то подобие порядка, попутно пригласив на завтра горничную. Связан ли визит этих господ и обыск в моей квартире с тем молодым человеком, обнаруженным мной здесь и особенно с моим способом удаления его тела отсюда? Мне вдруг пришло осознание всей нелепости моих действий, если не сказать хуже – преступности оных. Однако что сделано – то сделано, а мне ещё надо позаботиться о своём будущем. Не хватало только таскаться по всяким судам из-за подброшенного мне трупа. Они там, гляди, ещё и убийство на меня повесят. Я же иногда как затворник живу, алиби может никакого не оказаться. С одной стороны, вся эта ситуация меня безмерно напрягала, ну какое право такие события имеют случаться со мной? С другой стороны, именно различные непредвиденные, если не сказать, нелепые и загадочные события мне всегда нравились. Есть ли страх? Я не выношу физическую боль, лишь это меня пугает. Если бы мне клятвенно пообещали, что никакой расправы не будет, я буду жить неважно сколько и умру мгновенно – тогда я готов и на большее вплоть до лишения свободы. Наша свобода –

внутри нас, а не в месте нашего физического присутствия. Я знаю многих людей, несвободных на свободе, и мне искренне жаль их. Хотя, какое я имею право жалеть кого-либо? Скорее так: мне было бы жаль себя на их месте. Но у меня-то как раз всё по-другому. Я, признаться, и переехал-то сюда на месяц, чтобы закрыться, закрыться даже не от людей, а от обстоятельств, а эти обстоятельства в придачу с людьми – снова тут как тут.

Решил спуститься к ближайшей палатке, чтобы купить пива (бывает и так), к тому же сам процесс хождения за пивом в рваных шортах, объёмной майке и шлепках в палатку показался мне весьма увлекательным. У палатки встретил соседа сверху, который поприветствовал меня и предположил, что настойка его у меня уже закончилась, а я стесняюсь зайти. Я ответил, что, кажется, и у него закончилась, раз он у палатки, какой смысл в захождении, потом подтянулись какие-то его местные дружки, и мы на полчаса там застряли под пиво за мой счёт. Каким-то краем глаза я углядел проезжающего мимо приятеля Кирилла (и что это он здесь позабыл?), который сделал вид, что меня не заметил, ну да, сегодня воскресенье – а в воскресенье, равно как и в будни, меня для него не существует теперь. А у меня вот нет будней. И выходных тоже нет.

Со мной постоянно ощущение какого-то ожидания. Все вещи и предметы вокруг мне кажутся совсем ненастоящими, все мои действия – весьма бессмысленными. Но единствен-

ное предназначение всех этих предметов и действий – лишь заполнение времени. Как будто мне уже предначертано что-то другое, и когда я столкнусь с этим лицом к лицу – я сразу пойму, что это моё. Но как это «оно» выглядит – не имею понятия. Это не «кто» или «что», это совокупность образов жизни, явлений, это «другой Я», это вся та жизнь или всё то пространство, которого мне не суждено пока знать, которое я могу лишь пока ждать, заполняя дни всякой чепухой вроде хождения к пивной палатке в шлёпках и проведения занятий в маризматических школах воскресного дня.

В ту ночь мне снова снится сон:

Камера, находящаяся на уровне моих глаз, пересекает безлюдную асфальтовую дорогу и спускается к лугу. Справа – панельные огни подмосковного города. Города, в котором, если воспринимать его всерьёз, можно заболеть аутизмом. В котором можно лишь существовать не воспринимая, будучи роботом, действуя по изначально запрограммированной схеме. Схема эта называется «Молодой семье – доступное жильё». С другой стороны, эти роботы и являются топливом человечества, иначе человечества не существовало бы.

Камера движется по лугу. Можно заметить слабо вытоптанную тропинку, петляющую в разные стороны.

Теперь мы видим этот луг с помощью верхней камеры. Она подвешена метрах в пятидесяти над ним, но постепенно снижается. По лугу по тропинке идёт фигура, по габ-

ритам схожая с человеческой. Верхняя камера немного опережает её, а затем разворачивается на сто восемьдесят градусов. В тусклом свете городских окон становится очевидно, что это не человек. Это существо непонятного происхождения. Вдалеке слышен лай собак.

Я просыпаюсь в поту и понимаю, что это вовсе не сон. Это – начало чего-то большего.

Мобилизация

На следующее утро всё изменилось. Появилась некоторая информация в Интернете. Но ещё раньше мне позвонил неизвестный человек. Этот человек разбудил меня и предупредил о предстоящем взрыве какого-то очень опасного вещества, название которого я спросонья не расслышал. Будучи немного удивлён звонку, я, тем не менее, продолжил спать, не прореагировав должным образом на сообщение о каком-то ожидаемом взрыве, который случится через несколько часов где-то в окрестностях Капотни.

Окончательно проснувшись около двенадцати, я вышел на балкон с кофе и обратил внимание на чёрное и достаточно большое облако, висящее на юге, километрах в десяти от моего временного дома в Перово. На улице всё протекло по-прежнему: немногочисленные пешеходы шли, редкие на моей улице машины неторопливо ехали, спотыкаясь о «лежачие полицейские». Решив узнать, что произошло, я полез в Интернет. На главной странице поисковика обнаружилась заметка об этом инциденте: якобы произошёл взрыв на Чагинском экспериментальном заводе бытовой химии. Продолжается пожар, сотрудники завода эвакуированы, в непосредственной близости от места происшествия трудится столько-то пожарных расчётов.

А потом мне позвонил Кирилл:

– Никита, привет! Я только что из Люблино, там на улицах творится что-то невообразимое. Я еле вырвался. Какие-то существа ползут на город с Капотни, там сильный пожар. Я не шучу. Сейчас я за тобой заеду.

Одно то, что он позвонил мне в понедельник, да ещё и вознамерился заехать, уже говорило о серьёзности ситуации. Я включил телевизор. Все каналы работали в обычном режиме – какие-то сериалы. На одном из местных каналов всё же было экстренное включение:

– По сообщениям очевидцев огромное облако чёрного дыма висит над московским районом Капотня, а также городами Котельники и Дзержинский. Точную картину происшествия воссоздать трудно, однако, по поступающим из районов бедствия сведениям, в дыму орудует какая-то преступная банда. По предварительной версии, взрыв был произведён умышленно группой неустановленных лиц из числа экстремистских организаций по предварительному сговору либо с целью дестабилизации обстановки в городе, либо с целью вооружённого грабежа на ряде промышленных предприятий, находящихся в том районе. Сообщений о жертвах и разрушениях на данный момент не поступало.

Телефонный звонок. Беру трубку.

– Привет! Это Тоня. Насчёт записки. Помнишь, договаривались сегодня о встрече. Боюсь, что у меня не только встретиться, у меня выйти из дома сегодня не получится. Там какой-то кошмар творится. Какие-то необычные существа, не

то люди в странных комбинезонах, не то вообще какие-то мутанты нападают на прохожих и автомобили, и люди всюду лежат на земле. Никому не могу уже час дозвониться, только вот до Тебя почему-то получилось.

– Ты где?

– Я живу у метро Волжская. На двадцать втором этаже, поэтому мне не совсем видно, что там внизу, но, если честно, довольно страшно. Мне сегодня утром ещё позвонил какой-то человек, предупреждал о предстоящем взрыве и сообщил, что штаб ополчения собирается в какой-то студии в Подколокольном переулке, и что я там очень нужна. Я, разумеется, попросила, чтобы мне не звонили больше, а теперь понимаю, что этот звонок был неспроста. В доме вроде бы тихо, но я не знаю, как мне теперь отсюда выбира...

Связь прервалась. Я попереключал каналы. На одном из каналов с вертолѐта снимают МКАД. Шумно. Машины стоят в обоих направлениях. Разбитые машины. Кругом чёрный дым. Теперь говорит ведущая:

– Это было прямое включение нашего корреспондента. Вы видели, что происходит в данный момент на МКАДе в районе Кузьминского лесопарка. Мы пока можем лишь гадать, что там происходит, но очевидцы говорят о большом количестве странных существ в каких-то резиновых одеждах, которые убивают всех на своём пути. В настоящее время в районах, охваченных трагедией, невозможно ничего понять. Наш корреспондент только что поднялся на поверх-

ность со станции метро Люблино. Вы видите кадры с Краснодарской улицы.

Корреспондент:

– Валерия, наша съёмочная группа, хоть и с опаской, но вышла наверх. Улица, как вы видите, практически пустая, однако всюду можно заметить разбросанные тела. Если приглядеться к ним, они без видимых повреждений, как будто просто спят, однако лежат в каких-то неестественных позах. Никаких необычных существ на улицах не видно, редкие люди с опаской выходят из подъездов и стараются далеко от них не отходить. Однако вот есть очевидцы, приехавшие только что с Братиславской. Там, по их словам на улицах идут настоящие бои. Мутанты используют какие-то большие пушки с клейкой жидкостью.

– Спасибо, Артём. Продолжаем. В Штабе ГО ЧС города Москвы говорят о намерении ввести чрезвычайное положение в городе. Однако похоже, никто не мог предположить такого развития событий, и никто не может объяснить, что же именно происходит на юго-востоке. По тревоге поднимаются военные части. Они хотят поставить кордоны и заградительные пункты, чтобы препятствовать распространению заразы в другие районы города. По последним новостям, движение на Люблинской линии метрополитена остановлено, станция Волжская атакована этими существами.

Звонок мобильного телефона. Поднимаю. Тот же голос, что и утром.

– Теперь Ты веришь мне?

– Теперь да. Кто Вы?

– Мы знакомы, но сейчас нет времени это объяснять.

Срочно приезжай в Подколокольный, дом 12б. Мы тут разворачиваем штаб в помещении модельного агентства.

Я решил, что поеду туда, но дождусь Кирилла. Вновь захожу на сайт поисковика и вижу заголовок «ВЫБРОС ПСИХОТРОПНОГО ГАЗА». «Сегодня в 10:54 утра в Москве произошёл взрыв в секретном экспериментальном хранилище на улице Верхние Поля. Взрыв произошёл под землёй, однако после взрыва загорелись несколько соседних зданий, где хранилось большое количество автомобильных шин, из-за которых место пожара окутано чёрным дымом. Облако достигло так же ряда подмосковных городов. Сложно сказать, какой именно газ гуляет по нашему городу, вероятно, это некая производная VX, одного из самых сильных нервно-паралитических газов. Непонятно, каким образом хранилище данного вещества располагалось в черте города, да ещё и по соседству с взрывчатыми веществами».

Следующее сообщение по телевидению:

– Войсковым частям, поднятым по тревоге, пока удаётся удерживать заразу в треугольнике Печатники – Братиславская – город Котельники, однако появилось сообщение о виденной группе резиновых людей на Волгоградском проспекте. Они вышли из парка Кузьминки и атаковали несколько проезжающих машин, расстреляв их клеевидной массой из

своих пушек. Также пришло сообщение, это что-то абсолютно новое. Гигантские пауки замечены в районе Октябрьского поля.

Выбор обложки

Вскоре приехал Кирилл. Вопреки моему предположению, что он будет чрезмерно активен и ринется в бой решать проблемы цивилизации в связи с последними событиями, он, лишь сказав с порога «привет, еле-еле оттуда выбрался», как-то буднично полез в холодильник за водой и едой.

– Кирилл, нам надо ехать.

– Давай минут пятнадцать подождём. Пробок, вроде, нет, что, кстати, странно – должна быть паника, а тут у Тебя вообще мамыши с колясками гуляют. Что нового?

К слову говоря, меня, помимо происходящего в городе, немного волновала ещё одна вещь – а именно, выбор подходящей обложки для моей первой книги – решил я и на это.

– Кирилл, что по Твоему должна отображать обложка книги?

Я улегся на диван, а он с позавчерашним салатом уселся в кресло.

– Обложка... Интереснее и правильнее сделать ту обложку, которая останется непонятой по прочтении книги. Равно как и название. Вроде как «Материализм как явление XIX века», а в книге о материализме и о девятнадцатом веке – ни слова. Я утрирую, в обзорных, научных или исторических тем более трактатах всё, естественно, чётко. А если Ты пишешь про хаос, то и в обложке это должно найти отражение.

То есть при взгляде на неё не должно быть понимания, о чём она.

– Предположим. А как же маркетинговая составляющая? Потенциальный клиент с правильным мышлением пройдёт мимо, а иной ничего в обложке, не отражающей суть, не увидит. Вот издатель предлагает мне оклеить обложку репродукцией картины собственного сочинительства; вон та, – я показал в угол, – с пластилиновыми пауками. Есть второй вариант – серая тусклая фотография, подходящая под название, которое также «ни о чём». Третий – вообще ничего не изображать там, просто белая обложка.

– Ну, ни о чём – это неправда. У любого символа, не говоря уже слова – имеется смысл. Даже у белого цвета без символов. Очень субъективный смысл. Апеллируя к этому смыслу, мы делаем выбор, как там говорится, не мы – а наше подсознание делает. Нам в этот момент кажется, что мы действуем неосознанно. Для сознания – да, неосознанно. Но кое-что иное движет нами – это комплексное чувственное восприятие мира. Если Ты сделаешь обложку зелёной – я никогда её не куплю, просто из-за своей нелюбви к зелёному цвету. Вне зависимости от моего дружественного расположения к Тебе.

– Обложка. Иногда я думаю, что обложка как раз важнее содержания. Ты покупаешь не нейтралитет и не скепсис, а уже покупаешь «вотум доверия», автор уже заведомо в плюсе.

– По мне, так лучше плохо начать и хорошо закончить. Я не хочу разочаровывать людей. Я боюсь их разочаровать. Салат ведь несвежий, да?

– Естественно.

– Забудь Ты про обложку, – Кирилл отставил салат в сторону. – У меня нехорошее предчувствие. Я не могу дозвониться до Алисы.

– Ты всегда славился своими предчувствиями. Твои предчувствия никому не помогают, а лишь осложняют Твою собственную жизнь. Она – такой же дорогой мне человек, как и Тебе. Если бы мы могли узнать, что она в беде, мы пошли бы моментально на помощь. Но мы не можем этого знать, так как не можем дозвониться. Вопрос решён. Это вопрос вне нашей компетенции.

– Всё у Тебя просто. Насчёт людей.

Я вспомнил о лежавшем несколько дней назад в прихожей труп. Всё просто. Нет, не всё. Где-то внутри камни висят на верёвках. Стучат друг о друга и напоминают обо всём. И господа приходили тут, обыскивали. Видимо, теперь им долго будет не до меня – все ушли на фронт.

– Никита, куда нам надо ехать?

Я оживился:

– В штаб! В Штаб сопротивления! Подколокольный, 12б.

Штаб сопротивления и куриное шоу

До требуемого объекта добрались мы только через час, потому как всё-таки вляпались в пробку на шоссе Энтузиастов. Тут без них никак, это уже часть городского ландшафта. Вход в модельную студию «Кораллы» находился со двора здания постройки двадцатых годов прошлого века. Вероятно, при активном посредничестве девелоперов оно уже было причислено к категории «ветхое», а потому заполнено, как это в таких случаях бывает, разнокалиберными организациями, вдыхающими в развалюху десятую молодость. Напротив входа в студию висела другая табличка «Союз православных социалистов им. Н. И. Крупской». Дверь в студию была открыта, и кругом суетились люди. Нас с Кириллом записали в объёмную клетчатую тетрадь, выдали какие-то пузырьки с жидкостью и надели клеёнчатые браслетики на левое запястье (где приличные люди в прошлые времена носили наручные часы, некоторые и сейчас зачем-то носят) с объяснением: «это чтобы повторно вам антимонострин не выдать, на каждого участника сопротивления – по 150 миллилитров только».

Вооружённые антимонострином, мы с Кириллом вошли в логово сопротивления. Логово представляло из себя с точки зрения антуража печальное зрелище: просто конура какая-то. Несколько маленьких клетушек с наскоро наклеен-

ными на облезавшие обои плакатами в духе популярного нынче направления нового российского утопизма постсырьёвого толка. Была и комната побольше, с приподнятой сценой и отходящим от неё подиумом, покрытым затёртым линолеумом, в торце которого организовали на скорую руку буфет: растворимый кофе, чай в пакетиках, который теперь производят под Москвой на бывшей спичечной фабрике, нарезка неопределённого цвета и пакетное вино для поднятия боевого духа – в общем, там нам ловить было нечего. Однако как это часто и бывает в таких местах, паблисити оказалось мало сказать приличным, а ещё очень даже позитивным и экстравагантно одетым. Оказывается, чрезвычайное положение (которое, вроде бы, объявили) делу не помеха, и тут параллельно идёт подготовка к какому-то показу.

Как выяснилось позже, Штаб Сопротивления возглавляет директор по костюмам студии «Кораллы» господин Колпачников, этим и объясняется выбор места сбора – кто же будет костюмами тогда заниматься – а тут всё под рукой. Когда выдалась минутка, этот весьма габаритный господин с остатками второй молодости на лице, с бакенбардами и в чёрной шляпе-котелке вскарабкался на подиум, опрокинув пару пластиковых стаканов с пойлом, и взял слово. Откуда-то даже образовался беспроводной микрофон:

– Минуточку. Прошу минуточку внимания. У нас очень мало времени.

Модели тем временем облачались в какие-то костюмы

с перьями, отчего они стали выглядеть, как мутированные бройлерные куры из пафосного курятника.

– На подробные объяснения сейчас совсем нет времени. Спасибо тем, кто приехал. Правда, я приглашал значительно больше человек утром, но кто мне мог верить утром, что всё так и будет. Почему именно вы, спросите? И как я узнал о вас? Ответ прост. Вы, получившие эти пузырьки, обладаете рядом скрытых способностей, о которых можете и сами не догадываться. В Вашей крови обнаружен 1,2-спидипропанбутанол, так называемый «эликсир ускорения». Действия его пока не изучены окончательно, но что-то мне подсказывает (а я по первому образованию ветеринар-селекционер), что этот компонент может быть связан со способностью летать, как птица, а может даже со способностью перемещения в пространстве. Уверен, что вы все мечтаете летать, как минимум. Как мы узнали об этом? Очень просто – в прошлом году все вы обращались в Китайгородский центр медицинских катастроф с целью плановой проверки на ВИЧ. А мы попутно там и другие анализы проделали, а телефончики записали. Вот и всё. Я подозревал, что рано или поздно такое начнётся. Правда, не думал, что настолько рано.

Заиграла музыка, куриная репетиция началась. Многие потянулись к импровизированному бару, а я заметил вдруг своего приятеля Макса, пробирающегося с группой замызганных граждан, заводских рабочих на вид, к одной из небольших комнатушек, сплошь заваленной манекенами.

Он заметил меня, заулыбался и протянул руку:

– А, привет! И Ты в центре событий?;

– Привет! Пока больше ощущаю себя на задворках. А это кто? – показываю на пролетариат, бодренько разбирающий манекены и копошащийся где-то у них во внутренностях.

– А это моя социальная нагрузка – я же председатель этого «Союза православных социалистов», вот та дверь налево.

Тут только я заметил у него и у всей этой группы какие-то значки и нашивки.

– И что, вас тоже призвали в Сопротивление?

Макс хитро усмехнулся:

– Да нет... Это вы для них – подопытное мясо, накачанное пропанобутанолом. Наша группа будет побеждать врага интеллектом.

В подтверждение этих слов один из членов группы тыкал засаленной рукой в перекособоченный пластмассовый бюст манекена и плотоядно отпускал какую-то шутку.

– Ну да, с Вашим интеллектом не поспорить...

– Мы, узнав про эту заваруху, решили воспользоваться ситуацией и потренироваться перед Третьей революцией. Мы будем участвовать в операции в виде Подрывной группы, прикрывая Вас. А вот эти манекены с детонаторами внутри будут нашим тайным оружием. Пахомыч и Михалыч уже планируют укрепления на Соколе, и мы туда мчимся через полчаса в полной амуниции. Октябрьское поле всё паутиной оплели какие-то твари.

Тем временем Кирилл шёл мне на встречу с какими-то огромными жёлтыми спринцовками и... с массивным тулупом из куриных перьев.

– Ты на подтанцовках сегодня? – спрашиваю, ничему не удивляясь.

– Почти. Это, оказывается, наша спецодежда. Там делили по группам, я записал нас вместе. Дозвонились до Алисы, она к нам присоединится позже. Рома сейчас с ней, он за земляные работы отвечает. Ещё в нашей группе некая девушка-телепатка, её приписали к нам, правда, пока не могут разыскать.

Оказалось, что куриное шоу – это никакой не маскарад, а подготовка к важному спецзаданию. И пока я лясы точил с Максом, все размеры «S», как всегда, уже разобрали. Кое-как отхватил пылящуюся на подоконнике «M» – ку, уже какую-то покоцаную, и чувствовал при примерке себя в ней, как в мешке. Костюмер Колпачников, уже в поту и с пластиковым стаканом вина, снова взгромоздился на подиум и надрывно заговорил в беспроводной микрофон:

– Так, всех поделили? Быстрее грузите хозяйство! Вы на Соколе через пятнадцать минут должны быть! (Это он социалистам). Внимание, пожалуйста. Правила таковы: всех двадцати трёх волонтёров (это мы, значит, волонтёры), мы распределили по пятёркам (удивительная арифметика!). В каждой группе по телепату, тоннельщику и по три курицы. Телепаты работают со штабом, докладывают обстановку и

следят за передвижением звероголовых (видимо, имеются ввиду атаковавшие город мутанты). Большую работу предстоит проделать под землей, тут будет участок снабженных картами тоннельщиков. Куры занимаются транспортировкой. Пятёркам настоятельно рекомендуем держаться вместе, по-возможности. Главные по пятёркам (от нас главным был Кирилл) – подходите в гримёрную за миссиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.